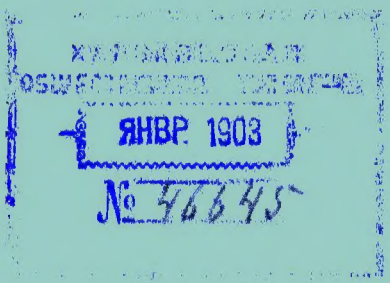
Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОТНОШЕНІЕ В. А. ЖУКОВСКАГО

КЪ Г. Ѳ. КВИТКѢ, Т. Г. ШЕВЧЕНКУ

И

М. А. МАКСИМОВИЧУ.



149527

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 17-й.
1902.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОТНОШЕНІЕ В. А. ЖУКОВСКАГО

КЪ Г. Ѳ. КВИТКѢ, Т. Г. ШЕВЧЕНКУ

И

М. А. МАКСИМОВИЧУ

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 17-й.
1902.

Отдѣльные оттиски изъ журнала „Мирный Трудъ“. № 2.

Отношеніе В. А. Жуковскаго къ Г. Ѳ. Квиткѣ, Т. Г. Шевченку и М. А. Максимовичу.

Въ русской литературѣ нѣтъ ни одного писателя съ столь широкими и разнообразными связями и отношеніями, какъ В. А. Жуковскій. Кругъ его знакомствъ былъ чрезвычайно великъ, и вездѣ Жуковскій выступаетъ другомъ, наставникомъ, съ добрымъ совѣтомъ, всегда готовымъ къ матеріальной поддержкѣ и къ покровительству. Добрыя дѣла Жуковскаго, можно сказать, безчисленны. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Жуковскій представлялъ въ своемъ лицѣ цѣлое общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ, причемъ помощь эта выражалась въ дѣятельности Жуковскаго такъ полно, такъ разносторонне и такъ деликатно, какъ она никогда не выражалась и не можетъ выразиться ни въ одномъ обществѣ, потому что для такой полноты и деликатности необходимо одно большое любящее сердце, только одна, но очень большая и въ высшей степени благородная душа. Жуковскій былъ именно такимъ рѣдкимъ человѣкомъ очень большой души. Высокое служебное, общественное и литературное положеніе облегчало ему дѣятельность въ пользу современныхъ ему писателей. Это былъ свѣтильникъ, горѣ стоящій, и лучи отъ него шли по всей Россіи и проникали въ Малороссію. Тепло отъ нихъ чувствовалось и въ Харьковѣ.

Сентиментально-романтическое направленіе Жуковскаго было сродни малорусскимъ писателямъ его времени. Квитка, Шевченко, Гребенка, Щоголевъ самостоятельно склонялись въ ту же сторону мечтательнаго романтизма, и народная малорусская поэзія несла нѣкоторыя сходныя настроенія. На почвѣ такого общаго романтическаго настроенія, малорусскіе литературные дѣятели охотно склоняли свой слухъ къ внушеніямъ мечтательной музы Жуковскаго. Въ повѣстяхъ Квитки и въ стихотвореніяхъ Шевченка и Щоголева кое-гдѣ проскальзываютъ романтическія ноты Жуковскаго; но не въ литературной области лежатъ главныя заслуги Жуковскаго. Гораздо важнѣе и плодотворнѣе были его личныя отношенія къ корифеямъ украинской литературы—Квиткѣ и Шевченку, отношенія въ высшей степени благожелательныя. Обоимъ малорусскимъ писателямъ Жуковскій оказалъ великія услуги; къ обоимъ онъ сумѣлъ во время прійти на помощь и поддержать ихъ въ трудные моменты ихъ жизни.

I.—Проф. Н. И. Петровъ говоритъ, что „Жуковскій руководилъ Квитку своими совѣтами“[1]). Еще важнѣе, что Жуковскій ободрялъ скромнаго и робкаго провинціальнаго писателя, котораго съ одной стороны порицали за его русскія повѣсти, въ которыхъ усматривали только „дрянной губернскій ядъ“, съ другой порицали за его малорусскія повѣсти, которыя высокомѣрно называли лакейскими.

Скромный Квитка, затронувъ въ своихъ русскихъ повѣстяхъ общественные недостатки, вызвалъ противъ себя неудовольствіе со стороны темныхъ силъ. „За повѣсть „Дворянскіе выборы“, писалъ онъ Плетневу въ 1839 году, теперь каждый исправникъ съѣсть меня готовъ“. Но тутъ подоспѣла поддержка Жуковскаго: „Въ ту пору проѣзжалъ Жуковскій, сообщалъ Квитка Плетневу. Наговорилъ много лестнаго... совѣтовалъ еще продолжать въ томъ же тонѣ... Василій Андреевичъ обнадежилъ меня“, замѣчаетъ далѣе Квитка [2]). Результатомъ совѣтовъ Жуковскаго явились два нравоописательныхъ романа Квитки—„Панъ Халявскій“ и „Жизнь Столбикова (Пустолобова)“.

Въ маѣ 1839 г. Квитка писалъ Плетневу:„ Въ Отечественныхъ Запискахъ явится скоро Панъ Халявскій... Онъ начатъ по порученію Василія Андреевича, переданному мнѣ черезъ здѣшняго чиновника графа Панина, чтобѣ описать старинный бытъ малороссіянъ, родъ ихъ жизни, воспитаніе, занятія и все, до послѣдняго“...

Въ іюнѣ того же 1839 г. Квитка спрашивалъ Плетнева, удобно ли будетъ посвятить Жуковскому „Жизнь Столбикова“. „Не оскорблю ли его ничтожнымъ приношеніемъ? Узнавъ его, нѣтъ границъ моего къ нему почтенія, уваженія и утвердившагося удивленія. Онъ же и препоручилъ мнѣ написать подобное“.

Квитка познакомился лично съ Жуковскимъ во время пребыванія послѣдняго въ Харьковѣ въ 1837 г. Жуковскій, проѣздомъ черезъ Харьковъ, разыскалъ украинскаго писателя, обласкалъ его, вошелъ въ его литературные интересы и вызвался быть его посредникомъ въ сношеніяхъ съ редакціей „Современника“. Обласканный и ободренный Квитка тогда же передалъ ему переложенія на русскій языкъ „Маруси“, „Мертвецького Вылыкодня“ и „Добре роби“. Жуковскій склонялъ его къ такимъ переводамъ, въ интересахъ болѣе широкаго распространенія его произведеній, хотя, какъ человѣкъ большого литературнаго образованія, онъ не могъ не ви-

[1]) *Петровъ*, Очерки исторіи укр. лит. 90.
[2]) *Данилевскій*, Украинская старина, 257.

дѣть, что украинская форма изложенія болѣе сродни Квиткѣ и лучше передавала его произведенія, чѣмъ переложеніе ихъ въ русскихъ литературныхъ формахъ.

Письменныя сношенія Квитки съ Жуковскимъ были довольно продолжительны и устойчивы. Незадолго до кончины († 1843 г.), въ декабрѣ 1841 г. Квитка писалъ Жуковскому: „Удостоенный лестнаго вниманія вашего превосходительства, въ проѣздъ вашъ черезъ Харьковъ, и принявъ совѣтъ вашъ писать сцены изъ губернскаго быта и дворянскихъ выборовъ, я свелъ все въ одной повѣсти“... Рѣчь идетъ о повѣсти „Жизнь Столбикова“, которая, какъ видно изъ писемъ Квитки, написана была ранѣе „Халявскаго“, а напечатана немного позднѣе, въ Современникѣ 1841 г.[1]).

П.—Т. Г. Шевченко нашелъ въ Жуковскомъ благодѣтеля и друга. Жуковскій совмѣстно съ Брюловымъ сыгралъ большую роль въ дѣлѣ освобожденія Шевченка изъ крѣпостной неволи. Въ 1838 г. Шевченко—тогда чернорабочій маляръ въ мастерской Ширяева—познакомился съ талантливымъ и добродушнымъ профессоромъ академіи художествъ Венеціановымъ, былъ представленъ послѣднимъ знаменитому Брюлову, также профессору академіи, а у Брюлова познакомился съ Жуковскимъ и графомъ Вьельгорскимъ. Эти люди вынесли на своихъ плечахъ его освобожденіе.

Желая ознакомиться съ уровнемъ образованія самоучки-маляра Шевченка, въ интересахъ его освобожденія, Жуковскій задалъ ему тему—описать жизнь художника. Насколько удачно выполнилъ Шевченко эту задачу неизвѣстно; но, повидимому, Жуковскій былъ доволенъ. Съ этого времени онъ началъ сильно хлопотать о выкупѣ крѣпостного художника и поэта. „Гуманистъ, говоритъ Чалый о Жуковскомъ, воспитатель Державнаго Освободителя крестьянъ въ этомъ случаѣ остался вѣренъ своему высокому призванію“[2]).

Первая попытка склонить владѣльца Энгельгардта къ освобожденію Шевченка во имя гуманности оказалась совершенно неудачной. Брюловъ отправился для переговоровъ къ Энгельгардту, но—увы!—вынесъ отъ него лишь то убѣжденіе, „что это самая крупная свинья въ торжковскихъ туфляхъ“ и просилъ пріятеля Шевченка, художника Сошенка побывать у этой „амфибіи“ и сговориться о цѣнѣ выкупа[3]). Сошенко поручилъ это щекотливое дѣло

[1]) *Данилевскій*, Укр. старина, 281.
[2]) *Чалый*, Жизнь и произв. Т. Шевченко, 25.
[3]) *Конискій*, Жизнь Т. Г. Шевченко, 105.

профессору Венеціанову, какъ человѣку болѣе авторитетному. Шевченка радовала и утѣшала забота о немъ высокопросвѣщенныхъ и гуманныхъ представителей русскаго искусства и литературы; но по временамъ на него находило уныніе, опасенія, минуты отчаянія. Узнавъ о томъ, что дѣло его освобожденія наткнулось на упорство помѣщика, Шевченко пришелъ однажды къ Сошенку въ страшномъ волненіи. Проклиная свою горькую долю, онъ грозилъ отплатить Энгельгардту и въ такомъ настроеніи ушелъ домой на свой грязный чердакъ. Сошенко сильно перетревожился за своего земляка и ждалъ большой бѣды. По свидѣтельству княжны Репниной, Жуковскій, узнавъ объ ужасномъ состояніи духа молодого человѣка, близкомъ къ самоубійству, написалъ къ нему на лоскуткѣ бумажки успокоительную записку. Эту записку Шевченко хранилъ у себя въ карманѣ, какъ святыню, и показывалъ ее княжнѣ въ 1843 г. До полученія этой записки Шевченко, по его словамъ, не читалъ стихотвореній Жуковскаго; онъ узналъ его прежде, какъ человѣка, а потомъ уже познакомился съ его произведеніями[1]).

„Сторговавшись предварительно съ моимъ помѣщикомъ, говоритъ Шевченко въ своей автобіографіи, Жуковскій просилъ Брюлова написать съ него портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился, и портретъ у него былъ готовъ. Жуковскій, съ помощью гр. Вьельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2500 руб., и этой цѣною была куплена моя свобода, 22 апрѣля 1838 г.“ Въ знакъ особаго уваженія и глубокой признательности къ Жуковскому, Шевченко посвятилъ ему одно изъ наиболѣе крупныхъ своихъ произведеній „Катерину“. О томъ, какъ прошла лотерея, кто въ ней участвовалъ, нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Мартосъ говоритъ, что портретъ Жуковскаго былъ разыгранъ между высокими лицами Императорской фамиліи. Но Шевченко въ своихъ запискахъ отрицаетъ это участіе. Проф. Н. И. Петровъ и Чалый склоняются въ пользу показанія Мартоса, Конискій склоняется въ сторону отрицательнаго рѣшенія, изъ предполагаемой искренности Шевченка, но все таки считаетъ этотъ вопросъ открытымъ. Въ пользу показанія Мартоса говорятъ другія аналогичныя явленія, когда Жуковскій привлекалъ къ участію лицъ Императорской фамиліи. Съ гораздо большей убѣдительностью Конискій опровергаетъ анекдотъ о портретѣ генерала, будто нарисованномъ Шевченкомъ, и разсказъ Сошенка о томъ,

[1]) *Чалый*, 28.

съ какимъ энтузіазмомъ Шевченко сообщилъ ему о своемъ освобожденіи. Радостная вѣсть о волѣ застала Шевченка въ больницѣ, гдѣ поэтъ находился на излѣченіи. [1])

По освобожденіи, Шевченко, по его собственнымъ словамъ, „сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ-товарищей Брюлова. Онъ вскорѣ близко сошелся съ художникомъ Штернбергомъ—любимымъ ученикомъ Брюлова. Въ 1839 году Жуковскій привезъ изъ за границы полный портфель произведеній Корнеліуса, Гессе и др. свѣтилъ мюнхенской школы и пригласилъ Шевченка и Штернберга осмотрѣть эту коллекцію. Шевченку картины не понравились. „Увидѣли мы, говоритъ Шевченко, Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей XIX в. Когда художники высказали свое мнѣніе, „кроткій и деликатный Василій Андреевичъ назвалъ ихъ испорченными учениками“ Брюлова, произведенія котораго Жуковскій находилъ „слишкомъ матеріальными, придавливающими къ землѣ божественное искусство“ [2]).

Въ 1847 г. надъ Шевченкомъ стряслась бѣда. За нѣкоторыя стихотворенія рѣзкаго политическаго содержанія Шевченко былъ сосланъ рядовымъ въ глухой Оренбургскій край, съ лишеніемъ права писать и рисовать. Это лишеніе для поэта и художника было тяжкой карой, и, понятно, что Шевченко страшно былъ удрученъ. Онъ искалъ выхода въ добротѣ Жуковскаго. Поздравляя кн. Репнину 1 января 1850 г съ новымъ годомъ, Шевченко писалъ: „Я сегодня же пишу Василію Андреевичу Жуковскому и прошу его о исходатайствованіи позволенія мнѣ только рисовать. Или напишите Гоголю, чтобы онъ ему написалъ обо мнѣ; онъ съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ. О большемъ не смѣю васъ безпокоить“. Не зная лично Гоголя, Шевченко рѣшился написать ему „по праву малороссійскаго виршеплета“ въ надеждѣ на украинскія симпатіи Гоголя. „Я теперь, какъ падающій въ бездну, готовъ за все ухватиться—ужасна безнадежность! такъ ужасна, что одна только христіанская философія можетъ бороться съ ней“ [3]). Шевченко послалъ Жуковскому трогательное письмо съ просьбой объ исходатайствованіи только одной милости—права рисовать [4]).

---

[1]) *Конискій*, 115.

[2]) *Конискій*, 131.

[3]) *Кіевск. Стар.* 1883 II 268.

[4]) Оно издано Герномъ въ *Русск. Арх.* III 558.

Нужно думать, не безъ участія Жуковскаго [1]), въ пользу кисти Шевченка хлопотали графъ Гудовичъ и А. Толстой; но помочь Шевченку въ этомъ маленькомъ, но для него чрезвычайно важномъ дѣлѣ, оказалось невозможнымъ. Обращался Шевченко съ просьбой и къ начальнику III отдѣленія генералу Дуббельту, писалъ, что кисть его никогда не грѣшила и не будетъ грѣшить въ смыслѣ политическомъ, но ничего не помогало; и запрещеніе рисовать не было снято до самаго освобожденія Шевченка.

Какъ бы то ни было, Шевченко въ теченіе всей своей жизни хранилъ чувство глубокой признательности къ Жуковскому, какъ своему благодѣтелю, и въ письмахъ къ другимъ лицамъ, онъ, упоминая о Жуковскомъ, почтительно прописывалъ полностью его имя и отчество.

III.—„Щирый“ малороссъ, большой почитатель и знатокъ малорусской народной словесности и исторіи Максимовичъ былъ сначала профессоромъ ботаники въ московскомъ университетѣ, но его тянуло въ родную Украину. Тоска по родинѣ, болѣзнь, упадокъ силъ побуждали его хлопотать о переводѣ въ Кіевъ. Изъ письма Гоголя къ Максимовичу отъ 7 апр. 1834 г. видно, что Жуковскій и кн. Вяземскій приняли въ немъ самое близкое участіе и настойчиво ходатайствовали о переводѣ его въ Кіевскій университетъ съ каѳедры ботаники на каѳедру исторіи русской словесности, по разстроенному здоровью [2]). Министръ неохотно далъ согласіе. Максимовичъ блестяще оправдалъ хлопоты Жуковскаго и Вяземскаго. Изъ него вышелъ весьма полезный изслѣдователь малорусской старины и народности. Профессоръ Н. И. Петровъ говоритъ о Максимовичѣ: „Это мѣстный ученый въ лучшемъ смыслѣ слова, притомъ дѣйствовавшій въ такое время, когда при всей спеціальности его работъ, онѣ далеко не имѣли благопріятныхъ условій. Одинъ изъ біографовъ его нашелъ возможнымъ сказать, что какъ Ломоносовъ, по выраженію Пушкина, былъ первымъ русскимъ университетомъ, такъ Максимовичъ былъ для Кіевской Руси цѣлымъ ученымъ историко-филологическимъ учрежденіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ живымъ народнымъ человѣкомъ [3])“.

—Въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ главнымъ представителемъ и лучшимъ дѣятелемъ въ области изученія малорусской

---

[1]) *Конискій*, Т. Шевченко—Грушевскій, въ Сборникѣ филол. сек Наук. Тозар. им. Шевченка 1901 по IV,46.

[2]) *Гоголь*, Письма, изд. Маркса 1902, I 289.

[3]) *Петровъ*, Очерки ист. укр. литер. 180.

исторіи и этнографіи былъ Максимовичъ, лучшимъ малорусскимъ беллетристомъ и описателемъ мѣстнаго быта былъ Квитка и лучшимъ малорусскимъ поэтомъ несомнѣнно Шевченко. Они съ разныхъ сторонъ подходили къ изученію южнорусской старины и народности и каждый въ своей области, въ исторіи, въ этнографіи, въ поэзіи, сдѣлалъ большой вкладъ и принесъ большую пользу, и каждому изъ этихъ дѣятелей помогалъ В. А. Жуковскій, который въ этомъ отношеніи сыгралъ роль высшаго общерусскаго нравственнаго объединителя, въ идеально чистомъ и благородномъ значеніи объединенія на почвѣ сердечныхъ и гуманныхъ отношеній и въ возвышенной сферѣ просвѣщенія, науки и искусства.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

„МИРНЫЙ ТРУДЪ“

повременное литературно-научное изданіе, выходящее 5 разъ въ годъ (1-го марта, мая, сентября, ноября и января).

Программа изданія: 1) Романы, повѣсти, разсказы и стихотворенія, какъ оригинальные, такъ и переводные. 2) Беллетристическія новости. 3) Литературная критика. 4) Искусство, театръ и музыка. 5) Вопросы воспитанія и обученія. 6) Статьи по разнымъ отраслямъ наукъ. 7) Обозрѣніе научныхъ журналовъ. 8) Дѣятельность ученыхъ обществъ. 9) Научныя мелочи. 10) Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій. 11) Библіографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ съ доставкой **5** руб. въ годъ, для иногородныхъ съ пересылкой **6** руб. Допускается ***разсрочка годовой платы*** по 1 руб. для городскихъ и 1 р. 20 коп. для иногородныхъ, въ сроки выхода книжекъ. Отдѣльныя книжки по **1** руб. **50** коп. Пересылка съ налож. платеж. на счетъ заказчика.

Подписка принимается: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала (Харьковъ, Мордвиновскій, № 25, домъ А. В. Ветухова). За комиссію и пересылку денегъ книжные магазины удерживаютъ по 30 коп. съ каждаго годового экземпляра. Присылаемыя въ обмѣнъ изданія поступаютъ въ библіотеку студенческаго научно-литературнаго кружка или „Кабинетъ для практическихъ занятій“.

Контора открыта, кромѣ праздниковъ, ежедневно отъ 4 до 6 час.—Личные переговоры съ редакторомъ (Харьковъ, Дѣвичья, № 14) за исключеніемъ каникулярнаго времени, *по вторникамъ отъ 12 до 2 час.*—Извѣщенія о перемѣнѣ подписчикомъ адреса должны быть доставлены въ контору не позже, какъ за 10 дней до выхода ближайшаго выпуска; при перемѣнѣ городского адреса на иногородній (и обратно) высылается 50 коп., иногороднаго на иногородній, или городского на городской—20 к.

Гонораръ сотрудникамъ уплачивается отдѣльными оттисками, количество коихъ опредѣляется по взаимному соглашенію.—*Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны* и снабжены подписью автора и его адресомъ; въ случаѣ надобности онѣ подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ.—Непринятыя рукописи хранятся въ редакціи 3 мѣсяца и возвращаются лишь по уплатѣ стоимости обратной ихъ пересылки. Мелкія же рукописи и стихотворенія, если не будутъ приняты, уничтожаются, и по поводу ихъ редакція *ни въ какія объясненія не вступаетъ.*

Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными вопросами, благоволятъ для отвѣта прилагать 7-копѣечную марку.

Плата за объявленія: 20 руб. за полную страницу, 10 руб. за половину страницы и 5 руб. за четверть страницы.

Издатель *А. Ветуховъ.* Редакторъ проф. *А. Вязигинъ.*